

Научная статья

УДК 342.723+341.231.14

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-5-29

Коллективная мудрость в конституционном, информационном и цифровом измерении: о понятии и природе народного делиберативного конституционализма в публичном праве *

Игорь Александрович Кравец

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

kravigor@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5291-7177>

Аннотация

В статье обсуждаются научные и интеллектуальные истоки коллективной мудрости в конституционном, информационном и цифровом измерении, раскрываются доктринальные подходы и нормативные основы народного делиберативного конституционализма, развитие инклюзивной конституционной парадигмы и ее значение для использования процедур и технологий участия граждан, экспертного мнения и институтов гражданского общества в конституционной развитии, в социальных преобразованиях, в конституционных изменениях, вызванных к жизни потребностями общества и государства. Народный делиберативный конституционализм идентифицируется в статье в качестве публично-правовой метаконцепции, объясняющей процесс и потребность конституционного вовлечения граждан. Автор приходит к выводу, что народный делиберативный конституционализм позволяет лучше понять проблемы реализации принципа народного суверенитета в современных демократических государствах, создавать оптимальную модель и учитывать формы осуществления учредительной власти народа при проведении в жизнь конституционных изменений. В статье констатируется, что будущее демократического конституционализма связано с созданием и использованием технологий коллективного разума в публично-правовой сфере, которые в условиях развития алгоритмического и информационного общества соединяют классические процедуры обсуждения конституционных вопросов и использование агрегированных предпочтений. Практическое применение достижений естественного и искусственного интеллекта для обсуждения и решения вопросов, имеющих публично-правовое значение, основывается на коэволюционном развитии и приводит к появлению мини-публик, гражданских ассамблей, конституционного краудсорсинга.

Ключевые слова

демократический конституционализм, народный делиберативный конституционализм, конституционный краудсорсинг, народный суверенитет, коллективная мудрость, конституционная коммуникация, равное участие, алгоритмическое общество, гражданство, конституционные изменения

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы»)).

---

* Статья подготовлена по итогам выступления с докладом на Международной научной конференции «Государство и общество в современном мире: конституционные перспективы», посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, ЮФ, кафедра конституционного и муниципального права, 14–17 июня 2023 г.

Для цитирования

Кравец И. А. Коллективная мудрость в конституционном, информационном и цифровом измерении: о понятии и природе народного делиберативного конституционализма в публичном праве // *Юридическая наука и практика*. 2024. Т. 20, № 2. С. 5–29. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-5-29

Collective Wisdom in Constitutional, Informational and Digital Dimensions: on the Concept and Nature of Popular Deliberative Constitutionalism for Public Law

Igor A. Kravets

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation
kravigor@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5291-7177>

Abstract

The article discusses the scientific and intellectual origins of collective wisdom in the constitutional, information and digital dimensions, reveals the doctrinal approaches and normative foundations of popular deliberative constitutionalism, the development of an inclusive constitutional paradigm and its significance for the use of procedures and technologies for citizen participation, expert opinion and civil society institutions in the constitutional development, in social transformations, in constitutional changes brought to life by the needs of society and the state. Popular deliberative constitutionalism is identified in the article as a public legal meta-concept that explains the process and need for constitutional involvement of citizens. The author concludes that popular deliberative constitutionalism allows us to better understand the problems of implementing the principle of popular sovereignty in modern democratic states, create an optimal model and consider the forms of exercising the constituent power of the people when implementing constitutional changes. In the article, the author notes that the future of democratic constitutionalism is associated with the creation and use of collective intelligence technologies in the public legal sphere, which, in the context of the development of an algorithmic and information society, combine classical procedures for discussing constitutional issues and the use of aggregated preferences. The practical application of the achievements of natural and artificial intelligence is intended to discuss and resolve issues of public legal significance, is based on co-evolutionary development and leads to the emergence of mini-publics, civil assemblies, and constitutional crowdsourcing.

Keywords

democratic constitutionalism, popular deliberative constitutionalism, constitutional crowdsourcing, popular sovereignty, collective wisdom, constitutional communication, equal participation, algorithmic society, citizenship, constitutional changes

Funding

The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No 23-28-00627, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00627/> (Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)).

For citation

Kravets I. A. Collective wisdom in constitutional, informational and digital dimensions: on the concept and nature of popular deliberative constitutionalism for public law. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 5–29. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-5-29

*Посвящается профессору А. И. Киму
и доценту А. М. Барнашову*

Идея «коллективного разума» не нова и применялась к таким разрозненным явлениям, как принятие решений путем консенсуса и ульевыми насекомыми. Коллективная мудрость идет дальше.

...совместное творчество становится разумным только тогда, когда оно основано на равенстве и справедливости¹.

...многие, которые по отдельности не являются превосходными людьми, тем не менее, когда они собираются вместе, могут быть лучше, чем несколько лучших людей, не индивидуально, а коллективно.

Аристотель. Политика [1]

Кто много знает, с того много и спрашивается.
Мало самому знать, надо другим передать.
Как бы ты ни знал много, а больше народа не узнаешь.

На всякого мудреца довольно простоты

Русские пословицы и поговорки [2]

**Учредительная власть и коллективная мудрость
в народном конституционализме**

Современные представления об учредительной власти базируются на четырех основаниях: 1) в условиях конституционализма нового и новейшего времени (в период и после Французской революции последней четверти XVIII в.) конституирующая власть принадлежит народу, формы проявления такой власти могут быть различными; 2) категории «народный суверенитет» и «национальный суверенитет» с позиций форм реализации конституирующей власти различаются, хотя и взаимосвязаны общей отсылкой к демократической, олигархической или ограниченной участием определенных социальных слоев и классов легитимации в публичном пространстве [3–5]; 3) как социальная категория «конституирующая власть» является источником конституции и правопорядка в стране; она обладает генеративными способностями, которые могут рассматриваться доктриной конституционализма в качестве неограниченного действующим правом (конституцией и законодательством) или как форма публичной власти, реализация которой ограничена определенными конституционными принципами (неизменными, «вечными» положениями конституции), принципами естественного права или иными правовыми принципами; 4) в XXI в. конституирующая власть рассматривается с учетом использования информационных и цифровых технологий; она может подвергаться конституционализации и обеспечивать сохранность материальной конституции и использоваться для выявления и выражения мнения народа при решении вопросов конституционного характера [6; 7].

¹ По мнению авторов книги, коллективная мудрость выражается в совместном творчестве, которое «становится разумным только тогда, когда оно связано с равенством и справедливостью». См.: Cizek K., Uricchio W. (eds.) *Collective Wisdom. Co-Creating Media for Equity and Justice*. The MIT Press, 2022. P. 1–17, 6. <https://doi.org/10.7551/mitpress/13394.001.0001> (дата обращения: 25.03.2024).

Конституционная реформа 2020 г. в России не затронула структуры действующей Конституции 1993 г.; вместе с тем она существенно изменила содержание многих конституционных положений, содержащихся в главах с 3 по 8; затронула нормативное содержание ряда важнейших основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина (в главах 1 и 2), хотя и не способна была внести какие-либо текстуальные изменения в «вечные» (при действующей конституции) главы Основного закона страны (главы 1, 2 и 9) [8; 9].

Следует отметить и важные общественные и некоторые международные условия осуществления конституционной реформы 2020 г.: 1) развитие международного тренда на расширение форм и способов вовлечения граждан и экспертного сообщества в процесс демократического создания конституций; 2) кризис западно ориентированной модели распространения конституционализма в различных частях мира: на глобальном Востоке, Юге, Севере и Западе, появление гибридных моделей конституционализма; 3) усиление международной напряженности, снижение гарантированности универсальных международных стандартов в области прав человека, возвышение конституционной идентичности и национальных механизмов защиты прав и свобод.

В этот период реализация конституционной реформы 2020 г. заставляет научное сообщество видеть новые векторы развития доктрины и практики конституционализма. Для *конституционализма как мировоззренческой системы и системы государственного правления* становится актуальным приобретение *новых качеств в публично-правовой сфере демократических государств*. Тем самым обеспечивается и *новый вектор* мирового конституционного развития.

По прошествии 30 лет со дня принятия Конституции РФ научное сообщество стало осмысливать (и в некотором смысле переоценивать) заданные конституционными нормами и принципами векторы развития Российского государства и общества.

Б. С. Эбзеев размышляет о сочетании в Конституции РФ естественно-правовых и позитивистских начал, потребности решить вопрос о взаимодействии коллективного и индивидуального в организации общества и социальной солидарности, после поправок 2020 г. Конституцией легитимируется «солидаристская модель развития России», которая «охватывает экономическую, политическую и социальную сферы общества» [10, с. 21, 35]. По мнению С. Н. Бабурина, который признает конституционализм «ведущей формой политико-правового развития современного государства», после конституционной реформы 2020 г. происходит аксиологическая (ценностная) трансформация современного российского конституционализма; он предлагает вектор развития – построение «интеграционного конституционализма» и укрепление «традиционных духовно-нравственных ценностей» [11, с. 40–42]. По нашему мнению, в первой четверти XXI в. Россия вовлекается в орбиту развития «делиберативного народного конституционализма», который становится ответом «на вызовы информационного и цифрового общества, содействует более широкому вовлечению граждан, экспертного, научного и профессионального сообществ, а также повышению конституционной легитимности и социальной солидарности в стране» [12, с. 48, 56]. К. Б. Толкачев полагает, «традиционная для юридической мысли в целом» тематика гуманистических начал конституционного права получает «совершенно новое наполнение» в связи с кризисом этих начал в современном правовом порядке; предлагает преодолевать «декларативность и условность» гуманистических принципов конституционного права», опираясь на государственный суверенитет, международный опыт и преодоление двойных стандартов, повышения работоспособности Основного закона страны [13, с. 59–60, 63–64].

В данной статье в рамках исследовательского проекта анализируются важнейшие научные, нормативные и институциональные основы *коллективной мудрости в конституционном измерении*. Предлагается рассматривать категорию «коллективная мудрость» в качестве конституционной и публично-правовой, которая влияет на содержание, роль, предназначение и формы реализации *народного делиберативного конституционализма*. На наш взгляд, сле-

дует отметить *четыре* наиболее важные идеи, которые могут быть рассмотрены в качестве интеллектуальной основы *коллективной мудрости в конституционном измерении*.

Во-первых, *идея коллективной мудрости* и *идея накопленного опыта* взаимосвязаны и пронизывают различные сферы публичной и частной жизнедеятельности, отражаясь в таких фольклорных элементах (формах), как народные традиции, обряды, обычаи, воззрения или верования. Термин «фольклор» (от англ. folk-lore, т. е. народная мудрость, народные знания) был введен в 1846 г. английским археологом У. Дж. Томасом и стал широко использоваться для обозначения совокупности «народных традиций, обрядов, обычаев, воззрений, верований, а также произведений народной художественной деятельности» [14, с. 457]. В начале XX в. в России слово «фольклор» с английского языка переводилось как «народоведение», что показывало значимость народных традиций и верований для формирования новой области знаний [15, с. 209].

В русских пословицах и поговорках (русский фольклор) первенствующее положение занимает *идея накопленного опыта* и *идея народной мудрости*, которые слабо связаны с процессами государственного управления, принятием решений в публичной сфере и развитием демократической традиции. *Идея народной мудрости* связана с *общественным бременем знаний* («кто много знает, с того много и спрашивается»); с важностью *аккумуляции* и *передачи знаний* («мало самому знать, надо другим передать»); с *синергетическим эффектом коллективных знаний народа* («как бы ты ни знал много, а больше народа не узнаешь»); с *ограниченностью знаний* отдельных специалистов и даже мудрецов по сравнению с коллективной мудростью народа («на всякого мудреца довольно простоты»).

Во-вторых, идея Аристотеля, выраженная в труде «Политика», говорит нам о том, что «многие» люди, не обладающие выдающимися способностями или знаниями «по отдельности», коллективно («когда они собираются вместе») могут быть «лучше, чем несколько лучших людей» и, следовательно, быть *носителями коллективной мудрости*.

В-третьих, в советском государствоведении и в советском строительстве господствующее положение занимала *декларативная и пропагандистская функция* принципа народного суверенитета, закрепленного на союзном и республиканском уровне в советских конституциях. *Формально* вариации юридических конструкций принципа народного суверенитета в конституциях советского типа символизировали верность *народному источнику власти*, хотя термин «народный конституционализм» не признавался доктриной советского государственного права. Научные позиции советских государствоведов отдавали дань декларативной и пропагандистской функции принципа народного суверенитета, не уделяя должного внимания конструктивной критике механизмов работы института участия общественности, граждан в вопросах конституционных изменений и конституционного развития. Стратегическая линия развития советского строительства заключалась в *постепенном расширении социального поля действия народного суверенитета* как формы проявления *самоуправления народа* на различных территориальных уровнях организации государственной власти в СССР.

Через *работу Советов различного уровня* происходило развитие *форм непосредственной демократии* в СССР, роль граждан в системе народоуправства по конституционным вопросам сводилась, как правило, к участию в обсуждении проекта новой конституции (через трудовые коллективы). Например, при анализе организации работы Советов по развитию форм непосредственной демократии (глава XII учебника) освещалась их роль в организации выборов народных депутатов, в осуществлении избирателями права отзыва; в организации работы с наказами избирателей, в предоставлении отчетов (перед населением) народных депутатов и подчиненных местным Советам органов управления; в организации всенародных и иных массовых обсуждений; в организации собраний граждан; в организации работы с обращениями граждан в Советы и их органы. [16, с. 376–425]. С учетом этой стратегии и нужно воспринимать слова А. И. Кима и А. М. Барнашова: «В СССР... вся власть принадлежит юридически и фактически народу. Власть в СССР – подлинное народовластие, действительная демократия» [17,

с. 3]. Слова «юридически и фактически», «подлинное народовластие», «действительная демократия», скорее, отсылали к марксистско-ленинской концепции конституции и более поздней доктрине социалистической демократии, чем к конкретному опыту развития и использования современных форм делиберативного участия, обсуждения поправок к Конституции и проектов конституций как *проявления форм участия народа в формальных и неформальных процедурах конституционных изменений*. Такой вектор исследования привлекал мало внимания как в преломлении к отечественному опыту, так и в контексте использования зарубежного и международного опыта.

В-четвертых, *современные технологии (информационные и цифровые прежде всего)* позволяют по-новому взглянуть на известное понятие *коллективного разума*, или *коллективной мудрости*, истоки которого восходят (как было представлено выше) к трудам Аристотеля и, несомненно, отражаются в *накопительном и передаваемом эффекте народной мудрости*, народных знаний. Аристотель, скорее всего, имел в виду афинские собрания, когда говорил о многих людях, собравшихся для выражения коллективной мудрости. Технологические решения в цифровом и информационном пространстве позволяют увеличить масштаб коллективного разума, который может охватывать миллионы людей; такой расширенный масштаб будет содействовать обсуждению и принятию решений по конституционным вопросам с позиций разностороннего подхода, включенности широких слоев и развития наиболее широкой социальной опоры для поиска доверия и согласия. Вместе с тем новые технологии позволяют отойти от классической процедуры «обмена аргументами» (которую «имел в виду Аристотель») в силу фрагментарности знания и разрозненного во времени и в пространстве вклада участников в процесс обсуждения (например, технология Википедии или краудсорсинга по созданию проекта Конституции Исландии). Однако, по мысли ответственных редакторов Хелен Ландемор и Юна Эльстера, новые технологии делают сам процесс обсуждения важных вопросов для решения задач в публичной сфере «более кооперативным и творческим во многих отношениях» [18, р. 2]. Появление *коллективной мудрости в информационном и алгоритмическом обществе* не может основываться исключительно на классическом обмене мнениями или на сопоставлении индивидуального вклада в решение общей задачи. Как пишет Хелен Ландемор, «дополненный широкомасштабными способами агрегирования мнений многих, этот изначально децентрализованный процесс обсуждения может составить тот вид коллективной мудрости, которую имел в виду Аристотель – только деиндивидуализированный...» [18, р. 3], характерный для современной эпохи новых технологий (цифрового общества).

Коллективный разум в информационную эпоху возникает в результате использования как *аналоговых*, так и *цифровых технологий*, классических *процедур обсуждения* и использования *агрегированных предпочтений*, соединение *естественного и искусственного интеллекта*. Поэтому использование достижений искусственного интеллекта при обсуждении и принятии решений в публичной сфере (алгоритмическое управление) и по наиболее значимым вопросам (в сфере государственного управления, в реализации публичной власти в области правосудия и др.) позволяет взглянуть по-новому и на *процесс участия граждан и института общественности* в конституционных изменениях, в мониторинге действующих конституционных норм.

Во-первых, в алгоритмическом обществе как новой стадии развития информационного общества появляется *алгоритмическая власть*, которая предполагает использование системы алгоритмов для принятия различных видов управленческих решений. Как отмечают Рик Питерс и Марк Шуленбург, «нужно мыслить с точки зрения алгоритмов как одной из форм, посредством которых власть реализуется в нашем обществе» [19, р. 5]. Алгоритмы используются в публично-правовой сфере для сбора и обработки информации, принятия решений или содействуют принятию важных решений, в том числе когда соединяются достижения естественного и искусственного интеллекта.

Во-вторых, опыт отдельных государств (таких как Исландия) и обсуждение в доктрине конституционного права возможности использования технологий краудсорсинга для решения задач конституционного дизайна показывает формирование ответов юридической науки (в частности, конституционно-правовой науки) на вызовы алгоритмического общества [20, с. 60]. Тем самым алгоритмические технологии «обещают новые ответы и повышение точности принятия решений», показывают «новые пути обогащения человеческого знания» и несут новые риски, связанные с проблемой человеческого участия [21, р. 6]

В-третьих, *коллективная мудрость* граждан, экспертов, институтов гражданского общества формируется посредством использования новых цифровых и информационных технологий и требует правовой основы и возможной конституционализации способов и форм проявлений учредительной власти в алгоритмическом обществе.

Формы конституционализации коллективной мудрости в публичном и информационном пространстве

В структуре современного конституционализма важное значение придается институтам представительства, учредительной власти, демократическим процедурам принятия решений, сочетанию алгоритмической власти и политического вовлечения, основным правам и свободам человека и гражданина в различной комбинации и расстановке приоритетов в конституционном развитии. Одни авторы уделяют повышенное внимание формам взаимодействия конституции и прав человека в сравнительном конституционном развитии [22]. В других исследованиях *цифровые права в публично-правовом пространстве* рассматриваются как важные притязания гражданина в информационной среде Интернета и относительно новые сферы реализации цифрового гражданства [23; 24].

По мнению С. А. Авакьяна, посвятившего свой комплексный анализ институту представительства в конституционном праве, данный институт, сохраняя важное значение в обеспечении взаимосвязей органов публичной власти и граждан, приобретает новые сферы реализации и новые качества [25]. Представительство в конституционном праве испытывает влияние тренда на вовлечение граждан и институтов гражданского общества в обсуждение и принятие решений по вопросам конституционного характера [26]; данный тренд и сама процедура делиберативного и императивного участия граждан не заменяет комплексную работу института конституционно-правового представительства или конституционную репрезентацию [27, с. 186].

Исследование роли учредительной власти в системе современного конституционализма и конституционной модернизации в российском и сравнительном аспекте занимает важное место для понимания способов выражения народной воли, процедур волеобразования по конституционно-правовым вопросам [28, с. 206].

К формам конституционализации коллективной мудрости при обсуждении и решении вопросов конституционного характера в публичном и информационном пространстве следует относить: 1) формализацию *конституционной идентичности* политической нации и избирательного корпуса в тексте Конституции; 2) конституционно-правовое закрепление *институтов делиберативного участия граждан* в конституционных изменениях страны (гражданских ассамблей, мини-публик и др.); 3) конституционное и законодательное регулирование института экспертного мнения при обсуждении вопросов конституционного изменения, разработки проектов поправок к Конституции или проекта новой Конституции; 4) *признание на нормативном уровне и использование краудсорсинговых платформ* в деятельности палат федерального парламента и региональных парламентов для вовлечения граждан и экспертного сообщества в обсуждение наиболее значимых законопроектов (на федеральном и региональном уровнях); 5) разработку и принятие федерального конституционного закона о формах учредительной власти в стране, конституционно-правовое признание возможности использования технологий

краудсорсинга для разработки конституционных поправок, проекта новой Конституции и осуществления конституционного мониторинга действующих норм Конституции; б) судебную конституционализацию институтов делиберативного участия граждан и экспертного мнения, более широкое использование в практике конституционного правосудия экспертного мнения и регламентацию в законодательстве о конституционном правосудии.

Конституционное право участвует в создании и поддержании *цивилизационных основ любого государства*, причем такое влияние оно оказывает и в случае существования кодифицированной конституции, и когда конституция является смешанной или некодифицированной. Однако нормы *писаных конституций* (кодифицированных и некодифицированных) имеют *ресурс нормативного конституционного принуждения* благодаря закреплению разнообразных предписаний, они содержат декларации, принципы, ценности и цели развития общества и государства, которые выполняют одновременно несколько функций: декларативную, нормативно-ориентирующую, аксиологическую, телеологическую и, в итоге, интегративную функцию, отражая чаяния и надежды, сплоченность и единение, обеспечивая преодоления конфликтов (конституционных, политических, социальных) в политико-правовом и социально-экономическом пространстве. Повышенное внимание к *писаным нормам конституций как основы юридического конституционализма* не случайно среди ученых-конституционалистов. Их взгляды и позиции зачастую выступают *индикатором удовлетворенности* действующей конституции или отдельных ее положений. В этом смысле научные предложения по разработке отдельных конституционных норм или проекта конституции в целом служат не только делу продвижения профессиональных и доктринальных предпочтений *в тело конституции*, но и *развивают публичную сферу обсуждения* несовершенств и проблем реализации конституционных положений. Следовательно, дискуссии вокруг конституционной реформы (неизбежной или возможной) служат формированию дискурсивного поля для научного и публичного обсуждения конституционных парадигм (в частности, конституционный кризис связывается с существованием расхождения между нормами российской Конституции и реальными общественными практиками) [29, с. 3–11]; вовлекают в процесс научной конституционной коммуникации профессиональное сообщество, причем представители такого сообщества могли быть в разной степени вовлечены в процесс подготовки и обсуждения проекта конституционной реформы 2020 г.; выявляют позитивные, проблемные и негативные стороны как содержания, так и процедуры разработки, обсуждения и принятия конституционных поправок, или тенденции конституционного развития страны (среди которых выделяются децентрализация государственного устройства России, централизация местного самоуправления, дивергенция российской правовой системы и ее международная изоляция, архаизация традиционных ценностей, изменение формы правления, ее гибридизация и формирование «суперпрезидентства») [30]; создают научные условия для *конституционного прогнозирования* в их работе. Критической оценке подвергается и конструкция «единой системы публичной власти», введенная в Конституцию РФ в 2020 г. Так, по мнению исследователей, данная конструкция находится «в системном противоречии с принципами и нормами Конституции РФ, закрепляющими федеративное устройство России», ее применение сопровождается «неуправляемым разрастанием» системы публичной власти «на фоне размывания границ государственно-властной, государственно-управленческой деятельности» [31, с. 25–34].

Конституционные правоотношения традиционно рассматриваются как фундаментальные, основополагающие в правовой системе современных государств. *Теория конституционных правоотношений* признает за ними *смешанную природу*: правовую и политическую одновременно, взаимность прав и обязанностей в содержании правоотношений независимо от того, между какими субъектами конституционного права такие отношений возникают, ориентированность содержания конституционных правоотношений на две ключевые предметные области: властеотношения и реализацию, защиту основных прав и свобод личности, объединений

граждан, юридических лиц в той мере, в какой конституционное право устанавливает и обеспечивает гарантирование и защиту таких прав.

Теория судебного гарантирования конституции предполагает охват конституционно-процессуальными гарантиями всего спектра конституционных норм и взаимосвязанных с ними отраслевых норм и правоотношений. Судебные гарантии принципа народного суверенитета и учредительной власти нуждаются в понимании *юридических и интерпретационных границ*, в понимании интеллектуальных (концептуальных) опор при конституционно-процессуальной защите. При осуществлении конституционной реформы 2020 г. возник «конституционный конвергент» демократических и традиционных принципов и ценностей (в конституционном тексте), а практика Конституционного Суда РФ в период проверки Закона РФ о поправке к Конституции РФ показала, что в российской судебной конституционной юриспруденции не сформирован «юридический стандарт использования конституирующей власти» [32, с. 6–10]. Неоднократно проведенная в научной литературе оценка опубликованного 16 марта 2020 г. на интернет-портале правовой информации Заключения Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 показывает, что существует связь между *учредительной властью, государственным суверенитетом, народным суверенитетом*, которая выявляется в ходе принятия поправок к Конституции, независимо от того, использовались ли в заключении суда осмысленные доктрины учредительной власти (имплицитно и/или эксплицитно)². К сожалению, Конституционный Суд РФ не использовал такие доктрины, как *народный конституционализм, конституционный народный мониторинг*.

Использование принципа народного суверенитета в вопросах судебного гарантирования конституции отличается большим своеобразием, высоким уровнем судейского усмотрения; причем орган конституционного правосудия, как правило, не объясняет, какой доктриной (концепцией) суверенитета народа он считает необходимым воспользоваться для обоснования принимаемого решения. *Конституционный текстуализм* и буквальное толкование в данном вопросе мало помогают. Очевидно, что без доктринального обоснования того или иного выбора границы использования принципа народного суверенитета оказываются в инструментальных руках судей и среди процессуальных средств защиты народного суверенитета с неоднозначными последствиями. Устойчивые доктрины конституционного права и необходимость обоснования их выбора при разрешении конституционных споров в судебном порядке служат *научной и профессиональной делиберации в конституционном правосудии*, определяют *границы юридического усмотрения и являются индикаторами выполнения судьями служебной роли объективных толкователей конституции*, защиты публичных интересов, политической неподкупности судей, выполнения арбитражной конституционной функции для согласования различий между публичными и частными интересами, между интересами личности, общества и государства.

В структуре российского конституционного права видное место занимают такие институты, как общественные палаты, общественные советы, публичные слушания, правотворческие инициативы граждан, инициативные проекты (муниципальный уровень осуществления публичной власти и вовлечения граждан). Вместе с тем институты делиберативного народного конституционализма (как формы общественного участия) пока не получили общероссийского признания для их использования на федеральном и региональном уровнях; их примене-

² О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядку вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года / Официальный интернет-портал правовой информации, <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037> (дата обращения: 25.03.2024).

ние в муниципальных образованиях в значительной степени носит формальный («галочный») характер как исполнения требований федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в РФ («для галочки»). Однако в целом следует признать положительным тренд на развитие в доктрине и практике российского конституционализма *общественного коммуникационного пространства и права общественных интересов*, которые обеспечивают больший спектр включения общества и общественных интересов в процесс обсуждения и принятия решений по публично значимым вопросам на различных уровнях организации публичной власти.

Социальная солидарность, доверие и делиберативное участие в народном конституционализме (правовое поле для конституционной коммуникации)

Социальная солидарность в конституционном праве занимает важное исследовательское поле, которое стало расширяться благодаря новациям в российской Конституции после 2020 г. и новому вектору конституционно-правового мышления. По мнению И. А. Алебастровой, конституционализм следует рассматривать как юридическое основание социальной солидарности [33]. Данная категория («социальная солидарность») требует большей ясности применительно и к конституционному тексту, и к различным сферам правовой политики Российского государства. Как отмечает А. А. Гришковец, следует критически оценивать административно-правовые средства продвижения социальной солидарности (фактически в режиме принуждения), которые не могут заменить более активное участие государства в формировании благоприятной социально-экономической среды, которая может оказываться под угрозой в период вооруженных конфликтов [34, с. 142, 149, 150].

Появление в Конституции РФ 1993 г. после поправок 2020 г. новой статьи 75.1, которая закрепляет нормы-принципы, *затрагивающие социально-экономические основы политики государства*, среди которых и *принцип социальной солидарности* («в Российской Федерации обеспечивается социальная солидарность»), свидетельствует о стремлении создать новый вектор развития конституционной идентичности. Следует определиться с тремя вопросами: 1) на какие сферы правовой политики государства распространяется конституционный статус принципа социальной солидарности, будет ли в данном вопросе применяться универсальный подход (для всех сфер общественной и государственной жизни) или более ограниченный предметный подход; 2) какие юридические средства достижения социальной солидарности необходимо применять, формируя процесс не показательного и декларативного включения, а участия граждан, институтов гражданского общества, основанного на делегировании полномочий и частных инициативах; 3) насколько вовлечение граждан необходимо сопровождать более интенсивным созданием *мини-публик и гражданских ассамблей* для обсуждения и принятия решений в сфере социально-экономической политики государства и демократического обновления страны для того, чтобы противодействовать «ситуации всеобщей утраты доверия и социально-политических расколов, которыми характеризуются современное российское общество» [35, с. 35].

Конституционализм часто рассматривается как устойчивая система государственного правления, основанная на принципах и положениях конституции. Однако новое (в определенном смысле критическое) видение конституционализма в силу новых задач общественного характера и кризиса либерально-демократического подхода [36; 37] предполагает формирование *конституционной идентичности на основе социальной солидарности*. Важно, чтобы в конституционном пространстве социальная солидарность формировалась на основе сохранения и соблюдения гуманистических основ и верности конституции с опорой на осознанное гражданское участие. В такой же степени *конституционализм в странах общего права* может рассматриваться как реальный режим конституционной демократии с нормативным правовым

порядком, основанным на статутном праве, конституционных соглашениях или обычаях, судебных прецедентах – как разновидность *конституционализма общего права* (англ. *common law constitutionalism*), в котором сохраняется приоритет господства права и соблюдения прав человека [38, p. 236].

Элементы и процедуры *народного конституционализма* в современном мире подвергаются существенным доктринальным и нормативным обновлениям. Формируется важное направление *инклюзивной конституционной парадигмы* (расширение форм участия граждан, представителей профессионального сообщества и гражданского общества) и развиваются цифровые и информационные формы участия граждан в конституционных изменениях (цифровые ассамблеи, конституционный краудсорсинг, общественные конституционные инициативы через интернет-порталы). Доктрина конституционного права в России развивается в различных направлениях, среди которых приобретает важное значение (в свете конституционной реформы 2020 г.) *учение об учредительной власти и теория представительства в конституционном праве*. Их *демократическая составляющая* (учредительной власти и института представительства) касается многих аспектов правового и политического вовлечения.

Конституционные изменения в современном конституционализме могут иметь различные источники и осуществляться посредством разных процедур (с использованием форм *делиберативной и императивной демократии*). До начала XXI столетия *сравнительный конституционализм* обращался преимущественно к вопросам конституционных изменений посредством анализа способов принятия конституций, внесения в них поправок или других изменений, моделей инкорпорирования поправок в текст конституции, порядка введения в действие конституций в национальном и планетарном масштабах. Исследования в двух декадах XXI в. привели к пониманию *сравнительных конституционных изменений* как самостоятельной области исследований и многогранного и многослойного явления с новыми факторами участия граждан и института общественности в целом. Появление *новых областей исследований* в сравнительном конституционном праве, таких как *сравнительные конституционные изменения* [39] и *делиберативный конституционализм* [40, p. 431] позволили начать процесс систематизации данных о мировых тенденциях и векторах, формах и методах *участия граждан в конституционных изменениях* с применением как совещательных, так и императивных форм демократии и юридических процедур.

Идет активный научный процесс осмысления проблемы *совместимости основных принципов конституционализма и технологий совещательной демократии*, что потребовало интеграции знаний и практик из нескольких областей: сравнительного конституционного права, делиберативной демократии, коммуникативной правовой концепции и теории коммуникативной деятельности, предложенной философом Ю. Хабермасом [41].

По мнению исследователей (Симоне Чамберс, англ. *Simone Chambers*), «создание конституции в обществах, осознающих свое собственное разнообразие и плюрализм», сталкивается с определенной проблемой: с одной стороны, «нам нужен «народ», который сможет говорить как один, чтобы реализовать волонтаристские устремления современного конституционализма»; с другой стороны, «создание «народа» посредством ассимиляции или вербального согласия теперь, похоже, нарушает те же самые демократические или волонтаристские устремления» [42, p. 155–156].

Федерализация и обновление практики использования принципа *народного суверенитета* в российской политико-правовой системе – важная задача реализации конституционной реформы 2020 г. Будет уместным отметить работу данного принципа, скорее, в *конституционно-совещательном ключе*, когда речь заходит о разработке, обсуждении и принятии поправок к Конституции. Государству и обществу, экспертному сообществу необходимо решить нетривиальный технологический и доктринальный вопрос о том, в каких формах будут участвовать граждане и институты гражданского общества, а также профессиональное сообщество (в том числе сообщество конституционалистов) в *демократической процедуре создания конститу-*

ции и конституционных поправок. Конституция РФ 1993 г. после конституционной реформы 2020 г. пока каких-либо конституционно-правовых основ *народного делиберативного участия* не имеет.

Принцип народного суверенитета и принцип национального суверенитета взаимосвязаны, но имеют перекрещивающиеся и частично совпадающие нормативно-правовые и публично-политические сегменты содержания. Принцип народного суверенитета требует федерализации и закрепления в системе принципов организации и деятельности органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. В более широком законодательном закреплении нуждаются и формы делиберативного участия граждан в обсуждении вопросов конституционного характера, проектов законов, проектов поправок к Конституции на уровне субъектов РФ. На реализацию и понимание принципа народного суверенитета оказывает влияние и категория «общественная власть» в структуре российского конституционализма.

В литературе оправданно отмечается появление *общественно-властных полномочий* у государственно-общественных объединений (например, у общественных палат ряда субъектов РФ), а также у *общественных советов* при законодательных и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ (например, обсуждение общественно значимых проектов законов, проведение общественной экспертизы проектов законов, участие в мониторинге правоприменения законов субъекта РФ и др.). В частности, по мнению Г. Н. Чеботарева, появление общественной власти в системе российского конституционализма свидетельствует, что развиваются формы самоорганизации граждан, а сама общественная власть «не замыкается внутри организационных структур гражданского общества»; она выходит на взаимодействие «с государственной и муниципальной властями» [43, с. 28, 30]. *Признание общественной власти* в системе российского конституционализма – важный вектор формирования института участия общественности в обсуждении и решении вопросов конституционного характера. Современный законодательный подход *ограничивает круг общественно-властных полномочий* у подобных общественных формирований определенной предметной и территориальной сферой и не допускает их включение в процесс обсуждения и предложений поправок к Конституции и конституционных изменений в стране.

Какое место занимают в системе конституционных принципов организации публичной власти России принципы народного и национального суверенитета? На федеральном уровне принцип народного суверенитета закрепляет Конституция РФ 1993 г. (ч. 1 ст. 3), указывая на полиэтническую основу данного принципа демократической легитимации государственной власти. Категория «многонациональный народ» – неотъемлемый атрибут конституционного признания принципа народного суверенитета и одновременно проявление элементов принципа национального суверенитета. Вместе с тем *данный принцип (народного суверенитета)* не получил законодательную конституционализацию в структуре нового федерального закона об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ, т. е. не подвергся федерализации и пониманию в качестве неотъемлемого принципа демократического участия и демократической легитимации. В Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ (в редакции от 04.08.2023) статья 2 перечисляет 13 принципов деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, среди которых есть и *верховенство Конституции РФ, федеральных конституционных и федеральных законов на всей территории РФ; и государственная и территориальная целостность РФ; и распространение суверенитета РФ на всю ее территорию; и единство системы публичной власти; и др.* Тем не менее нет *принципа народного суверенитета и форм делиберативного участия граждан в осуществлении публичной власти.* Только частично такой недостаток может компенсироваться признанием и законодательным закреплением в качестве последнего (13 принципа) *принципа государственного контроля (надзора), парламентского контроля и общественного контроля над деятельностью органов публичной власти и их должностных лиц.* Однако он значительно

уже и не перекрывает конституционное содержание принципов народного и национального суверенитета. Между тем в доктрине конституционного права признано, что принцип народовластия является «определяющим и лежит в основе демократического развития страны» [44, с. 494]. Очевидно, что требуется корректировка положений названного Федерального закона и законодательная конституционализация не только принципа народного суверенитета, но и форм делиберативного участия граждан и экспертного сообщества на региональном уровне.

В современных исследованиях российских [45, с. 46] и зарубежных авторов *инклюзивная парадигма конституционных изменений* занимает место одного из мировых трендов, которая имеет относительную эффективность применения в малых демократиях. По мнению К. Контиадес и А. Фотиаду, ведущее участие граждан в процессе конституционных изменений в настоящее время становится «отдельной тенденцией в теории и практике конституционного проектирования» [26, р. 2–3].

Конституирующая власть в условиях существующего правопорядка находится в сложных отношениях с различными формами разработки и принятия поправок к Конституции и проведения в жизнь конституционной реформы [46; 47]. С одной стороны, *производная конституирующая власть*, основанная на действующей конституции, инициируется, как правило, уполномоченными органами государства, которые занимают доминирующее положение в конституционной системе. С другой стороны, в условиях демократического государства важно предусматривать участие граждан и экспертного сообщества на самых ранних этапах разработки, обсуждения и принятия поправок к Конституции и проекта новой Конституции. Действующее конституционное законодательство, к сожалению, формы делиберативного участия граждан и экспертного сообщества не предусматривает.

Конституционная реформа 2020 г. показала, что пакетное голосование, с одной стороны, не является какой-либо российской (советской) *государственно-правовой традицией*, скорее, такой подход сформировался на конкретный случай; с другой стороны, опыт стран, в которых проводятся референдумы по отдельным конституционным поправкам, свидетельствует о серьезном *дискуссивном и делиберативном поле* вокруг поправок, о значительном вовлечении еще до голосования граждан страны в осмысление последствий, позитивных, проблемных зон будущей работы поправки. Для регулирования будущих процедур обсуждения и принятия поправок к Конституции следует отказаться от пакетного голосования (за исключением случаев взаимосвязанных единым предметом регулирования поправок). Следует предусмотреть и гарантии равного участия различных представителей гражданского общества, граждан в вопросах записи и демонстрации роликов в поддержку поправок к Конституции. В 2020 г. на центральных каналах телевидения накануне голосования *демонстрировались заранее записанные ролики* «известных артистов, деятелей культуры с положительными призывами за поправки» [48, с. 92], которые оказывали глубокое культурно-пропагандистское воздействие на широкое общественное сознание, что, несомненно, повлияло на положительный исход голосования.

Обращение к концепции *коммуникативного конституционализма*, появившейся в первой четверти XXI в. на основе интегративного прочтения теорий коммуникативной деятельности Ю. Хабермаса, делиберативной демократии и народного (популистского) конституционализма в сочетании с коммуникативной теорией права, позволяет осмыслить процесс *использования института народного участия, гражданских ассамблей, различных мини-публик в динамике конституционных изменений* [49, с. 41]. Учитывая международный и российский опыт, следует отметить, что *теория коммуникативного конституционализма* имеет несколько важных сфер практического применения: 1) в период разработки концепции развития конституционного законодательства и научных концепций российского отраслевого законодательства; 2) для формирования новых векторов и методологии анализа процесса конституционных изменений (формальных и неформальных) в отечественном правовом и информационном пространстве; 3) в ходе подготовки и осуществления конституционной реформы (включая разработку кон-

кретных поправок к Конституции или проекта новой Конституции); 4) для создания научно-практических основ конституционного прогнозирования в процессе работы действующей Конституции страны.

В то же самое время расширяются и усложняются практики использования информационных и цифровых технологий в Интернете для самых разнообразных форм участия граждан и их объединений в различных правовых, политических и социальных коммуникациях (в таких сферах, как культура, образование, здравоохранение, бизнес, политика, государственное и муниципальное управление). Ряд исследователей полагают, что возникают «цифровые коллективы», которые выступают «факелоносцами грядущих социальных и политических преобразований», другие считают их «самоорганизованным коллективным разумом» [50, р. 5]. «Цифровые коллективы» в информационном и алгоритмическом обществе нуждаются не только в идентификации в онлайн-пространстве, но и в новых объяснительных концепциях, интегрирующих гражданственность, политическое участие, правовую и цифровую идентичность.

Цифровая идентичность приобретает важное публично-правовое значение, которое связывает воедино информационное и цифровое пространство, с одной стороны, участие граждан в процедурах принятия решений (голосованиях, обсуждениях), с другой стороны. В условиях алгоритмического общества появляется феномен цифрового гражданства, который может по-разному рассматриваться в юридических и политических науках. В политических науках существует стремление расширить сферу понимания гражданства, которое базируется на неинституциональном подходе (Д. Норт), политической философии либерального и мультикультурного гражданства (У. Кимлика). Доступ в Интернет и широкое использование интернет-ресурсов в различных сферах общественной и государственной жизни, политическое вовлечение граждан в цифровой среде поставили вопрос о политическом значении («политических границ») цифрового гражданства [51, с. 69–71]. Конституционно-правовая наука не остается в стороне от процессов выработки правовых регуляторов и признания на законодательном уровне института цифрового гражданства. Участники конституционной коммуникации в цифровой среде должны иметь идентификацию для совершения выбора и обсуждения публично значимых вопросов (при голосовании, мониторинге, оценке удовлетворенности). На основании Федерального закона от 14.03.2022 № 60-ФЗ была введена статья 64.1 («Дистанционное электронное голосование»), согласно которой дистанционное электронное голосование может проводиться при «проведении выборов, референдумов по решению соответствующей избирательной комиссии, комиссии референдума». Введение и использование дистанционного электронного голосования на выборах в России (в сентябре 2023 г. ДЭГ применялось в единый день голосования на выборах в региональные и муниципальные органы публичной власти) развивает технологии и практику цифрового волеизъявления граждан. Решением ЦИК России был создан специальный портал дистанционного электронного голосования, в 2023 г. ДЭГ применялось в 25 субъектах Российской Федерации (в 11 субъектах РФ охватывались все виды избирательных кампаний), в 14 субъектах Российской Федерации технология ДЭГ применялась на отдельных выборах.

Требует своего внимания со стороны законодателей и *вопрос об использовании делиберативных форм демократии через информационное и цифровое пространство* (в том числе и по вопросам конституционных изменений в стране).

Радикальный революционный и народный делиберативный конституционализм в условиях IT-революции и новых технологий

Конституционализм как исследовательская парадигма в современном публичном праве и исторической юриспруденции включает несколько направлений, которые *идентифицируют векторы взаимодействия учредительной власти и существующего правопорядка*. В совре-

менной отечественной и сравнительной юриспруденции стала использоваться категория «конституционные революции» и «революционный конституционализм» [52].

Радикальное направление в революционном конституционализме обращается не только к истории организации и проведения конституционных революций в новое и новейшее время, но и проецирует будущее общество, где активно используется мобилизация массового общества для достижения социальных перемен. В частности, Мюррей Букчин, проводя последовательную критику современной парламентской демократии и основанного на ней демократического государства, предлагает коммуналистский проект и *конфедералистскую* альтернативу, в которой широко используется сеть народных ассамблей, принимающих решения по ключевым вопросам для предотвращения разрушения окружающей среды, выражения заботы о качестве жилого пространства, активного участия в жизни общины. Для этого он разрабатывает некоторые принципы для будущей *конфедералистской структуры общества*: принцип формирования муниципальной экономики взамен капиталистической, развитие практики социальной экологии, расширенное использование институтов прямой демократии через народные собрания, объединенные в конфедерацию [53].

Информационно-технологическая революция обеспечивает широкое применение *алгоритмов для вычисления и принятия решений* в различных сегментах государственной и общественной практики, в публичных и частных сферах реализации прав, законных интересов индивидов, юридических лиц. *Алгоритмизация* вследствие повсеместного внедрения алгоритмов – неотъемлемая часть *алгоритмического общества* и использования цифровых и информационных технологий. Влияние алгоритмов на современные гуманитарные и общественные науки трудно переоценить, хотя очертания самой алгоритмизации общества и государства пока еще до конца не ясны и вызывают беспокойство с позиций *дегуманизации* принятия решений и *значительного снижения* (пока еще не устранение) *человеческого фактора* из механизма принятия публично значимых решений или из *алгоритмических систем*. В исследованиях отмечается, что «алгоритмы повсюду», они проникают во многие сферы принятия государственных и общественно значимых решений; в книге предлагается понятие *алгоритмического общества* [54, р. 1–11]. Как утверждают ученые из различных юрисдикций, для маркетологов алгоритмы служат способом проанализировать потребительские предпочтения «на основе поисковых запросов в Интернете, данных о покупках по кредитным картам и данных о поведении», создать «ценовые алгоритмы» или «экспертные торговые системы» [55, р. 1–4]. Оправданно констатируется новая сфера конституционно-правового влияния и регулирования в публичном праве, это сфера информационно-цифрового пространства [56, с. 27].

В информационно-цифровом пространстве с использованием интернет-ресурсов граждане РФ участвуют для реализации своих *законных информационных и иных интересов*. Среди таких интересов важное значение приобретают интересы получения государственных и муниципальных услуг, политического участия, взаимодействия на основе конструктивного и конвенционального диалога с органами публичной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Е. В. Бродовская справедливо выделяет цифровых граждан и цифровую гражданственность как относительно новые явления в современной общественной и политической коммуникации, считая необходимым *формировать культуру цифрового гражданства*, его многоаспектность и этико-культурную составляющую [57, с. 65–67].

Современный конституционализм вовлекается в орбиту цифровой и информационной революции. Например, Д. Валчев полагает, что эта «информационная революция влияет на современные конституционные парадигмы», и, в частности, «она влияет на напряженность между национальным суверенитетом и глобальным конституционализмом, а также на защиту представительной демократии и нормативной идеологии права» [58, р. 42], ставится под сомнение сама *нормативность права благодаря его гибридизации*.

Следует обратить внимание, что цифровые и информационные технологии подготавливают почву для определенной трансформации традиционного института гражданства как устой-

чивой правовой связи человека и государства. Это не означает, что *территориальное гражданство*, освещенное юрисдикцией определенного государства, теряет свою значимость; наоборот, в период международной напряженности и кризиса универсальных норм международного публичного права апелляция к национальному гражданству и государственному суверенитету приобретает особую популярность, является следствием продвижения в публичное пространство и конституционного патриотизма, и суверенного Интернета. Однако *технологические революции* – это не только технологии на службе людей, организаций, органов публичной власти и самого государства; такие революции, совершаемые в информационном и цифровом пространстве, ставят вопрос о *новой правосубъектности*. *Алгоритмическое общество* создает условия для появления *цифрового гражданства*, идентификация которого требует новых подходов к правовому регулированию, к гарантиям безопасности, к определению политической, информационной и правовой сфер использования *прав цифрового гражданства*, как в эпоху формирования индустриального общества требовались конституционное и законодательное оформление *прав политического гражданства*.

Повседневная жизнь граждан и общества оказывается под непосредственным воздействием цифровых технологий. В таких условиях государство обязано содействовать развитию цифровой среды, расширять доступ в Интернет и создавать новые формы участия в публично-правовом пространстве, эффективно используя достижения информационно-технологической революции [59, р. 24]. Требуется своего правового признания и обоснования, а потом и законодательного (конституционно-правового) оформления *прав цифрового гражданства*, которые пока рассматриваются в категориях информационных прав и права на доступ в Интернет. Данные права, очевидно, будут связаны с вопросами участия граждан в конституционных изменениях с использованием цифровых и информационных технологий (право на обсуждение поправок к Конституции, право на предложение таких поправок, право на участие в голосовании по проекту новой Конституции и по поправкам к действующей Конституции). Опыт различных государств (таких, как Исландия, Ирландия, Люксембург и др.) показывает *неодинаковую степень вовлечения граждан в процесс конституционных изменений* (разработки проекта Конституции, обсуждения и принятия поправок к Конституции). Общая проблема заключается в следующем: с одной стороны, пока все еще нет концептуального видения и разработанных конституционно-правовых форм такого участия; с другой стороны, потребность в «здоровой структурной теории», способной бросить вызов «консолидированным, но теперь явно недостаточным догматическим категориям» [60, р. 31, 46, 47] требует от научного сообщества конституционалистов разработки *моделей демократичного создания конституций* на основе широкого привлечения граждан, институтов гражданского общества, юристов-исследователей и экспертного мнения, отражающего широкий спектр территориальной структуры с учетом принципа научного федерализма. Национальный правопорядок России оказывается под бременем цифровизации и оптимального использования информационных технологий; частичное «перемещение поведения субъектов права в виртуальное пространство» [61, с. 196, 197] требует новых правовых форм регулирования с признанием *прав цифрового гражданства*.

Заключение: выводы и предложения

Первое. «Коллективная мудрость» – категория коллективного разума, имеющая античные истоки (в частности, взгляды Аристотеля) и активно используемая в современной доктрине делиберативного участия, правовой и конституционной коммуникации для выявления мнения граждан, экспертного сообщества по важнейшим вопросам публично-правового характера или имеющим высокое общественное значение.

Второе. Выражение и учет мнений граждан, экспертов, представителей гражданского общества возможны не только через общественные палаты и общественные советы, но и через формы делиберативной демократии, пока не освоенной российской правовой системой в полной

мере (гражданские ассамблеи, мини-публики и др.). Для этого *необходимо создание законодательства, отличного от правового регулирования общественного контроля*. В данном вопросе следует руководствоваться концепцией *коммуналистского проекта* (М. Букчин), когда гражданская деятельность человека признается в качестве общественной добродетели, а граждане, проживающие в городах и других населенных пунктах, имеют технические возможности и нормативную базу для участия в публично-правовом пространстве страны для обсуждения и принятия решений [62, с. 36, 50, 51].

Третье. Понятие *конституирующей власти* имеет важное значение для поддержания социальной солидарности и демократической легитимации учрежденных властей. Участие такой власти в поддержании социального консенсуса по поводу принципов и условий развития конституционного строя не может рассматриваться как одномоментный акт (акт принятия конституции); такая власть требует демократического участия граждан в повседневной конституционной жизни общества и государства. Тем не менее следует признавать, что «фаза формирования» имеет приоритет над повседневным обычным применением закона [63, р. 1–3]. Для умеренного применения производной и первоначальной конституирующей власти важно иметь на конституционно-правовом уровне адекватные формы делиберативного участия граждан, которые смогли бы формировать народную волю по важнейшим вопросам публично-правового характера с учетом исторического (в том числе и советского опыта регулирования всенародного обсуждения конституций) [64]. Конституционная реформа 2020 г. существенно изменила содержание принципа разделения властей, закрепленного в статье 10 Конституции РФ [65], однако не затронула вопросы расширения форм участия граждан в конституционной делиберативной политике.

Четвертое. В современный период происходит трансформация информационного права [66]; развивается информационная революция в различных сегментах правовой системы, государственного и муниципального управления. Используя опыт отечественной и зарубежной цифровизации системы публичной власти и органов местного самоуправления [67], следует отметить необходимость *создания краудсорсинговых платформ на различных уровнях работы представительных учреждений* (федерального парламента, региональных парламента, представительных органов муниципальных образований) для целей информационного взаимодействия граждан и депутатов, участия в обсуждении проектов правовых актов, реализации парламентского и общественного контроля. Опасности «грядущего мира роботов» [68, с. 4] и постепенное изменение нормативного метода регулирования, действующего в отношении человеческого поведения, и его частичная замена алгоритмическим регулированием, применяемым в отношении компьютеров, не должна препятствовать вовлечению граждан в систему алгоритмического управления, в том числе посредством использования технологий краудсорсинга.

Пятое. В отечественной юриспруденции оправданно высказывается мнение, что практический конституционализм требует ясного конституционно-правового определения непосредственной и представительной демократии как важнейших институтов в демократическом правлении [69, с. 6]. Однако в ходе подготовки и реализации конституционной реформы 2020 г. мало внимания уделялось конституционализации новых и хорошо известных форм *делиберативной и императивной демократии с учетом федеративного устройства страны и территориального расслоения* процедур демократического и конституционного вовлечения. Влияние доктрины конституционализма на *формы и способы осуществления демократического участия* долгое время осознавалось через категорию учредительной власти в периоды учреждения конституции; в меньшей степени в процессе повседневной реализации конституционных норм и принципов и принятия поправок к Конституции. Как писал В. Г. Графский, «главное назначение» конституционализма – «возведение преград произволу и насилию в любой области общенародной социальной и политической деятельности, в первую очередь, в деятельности государственных учреждений» [70, с. 12].

Шестое. В первые два десятилетия XXI в. повышенное внимание к демократическим способам создания конституций, к вовлечению граждан и экспертного сообщества в процесс конституционных изменений знаменует собой *восстановление веры в возможность преодоления демократического дефицита* в конституционной политике государства. Коллективная мудрость как выражение коллективного разума приобретает конституционную и публично-правовую парадигму развития.

Список литературы

1. **Aristotle.** Politics III, 11, 1281a41–1281b2 // Aristotle. Aristotle in 23 Volumes, Vol. 21, translated by H. Rackham. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1944. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0058%3Abook%3D3%3Asection%3D1281b> (дата обращения: 25.03.2024).
2. Сборник народной мудрости. Пословицы и поговорки о знаниях. <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-o-znaniyah/> (дата обращения: 25.08.2023 г.). Пословицы и поговорки про мудрость. <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-pro-mudrost/> (дата обращения: 25.03.2024).
3. **Colón-Ríos J.** Constituent Power and the Law. Oxford; New York: Oxford University Press, 2020. 352 p.
4. **Кравец И. А.** Система конституционализма и учредительная власть в условиях глобализации: некоторые современные подходы // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 74–89. DOI: 10.31857/S086904990010762-0
5. **Arvidsson Moscow, Brännström L., Minkkinen P.** (eds.). Constituent Power: Law, Popular Rule and Politics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. 234 p.
6. **Шустров Д. Г.** Конституция и учредительная власть: проблема ограничения // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 29–39.
7. **Бондарь Н. С.** «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34. DOI: 10.31857/S013207690009933-8
8. **Авакьян С. А.** Будни конституционалиста (научные статьи 2016–2020 годов): Сб. статей. М.: Проспект, 2021. 448 с.
9. **Ковлер А. И.** Конституция России в фокусе сравнительного правоведения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 6. С. 5–12. DOI: 10.61205/jzsp.2023.076
10. **Эбзеев Б. С.** Конституции как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Государство и право. 2023. № 12. С. 21–39. DOI: 10.31857/S102694520029288-7
11. **Бабурин С. Н.** Аксиологическая трансформация современного российского конституционализма // Государство и право. 2023. № 12. С. 40–47. DOI: 10.31857/S102694520029289-8
12. **Кравец И. А.** Делиберативный народный конституционализм и конституционные изменения: формы, процедуры и технологии в сравнительной конституционной теории и практике (к 30-летию Конституции РФ в сравнительном аспекте) // Государство и право. 2023. № 12. С. 48–58. DOI: 10.31857/S102694520029375-3
13. **Толкачев К. Б.** Гуманистические начала в российском и зарубежном конституционном праве // Государство и право. 2023. № 12. С. 59–65. DOI: 10.31857/S102694520029291-1
14. Фольклор // Большая российская энциклопедия. М., 2017. Т. 33. С. 457. URL: <https://old.bigenc.ru/music/text/4716709> (дата обращения: 25.08.2023).
15. **Аничков Е.** Фольклор // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. XXXVI (71). СПб., 1902. С. 209.

16. **Барабашев Г. В., Шеремет К. Ф.** Советское строительство. Учебник. М.: Юрид. лит., 1988. 560 с.
17. **Ким А. И., Барнашов А. М.** Народное представительство в СССР. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. 89 с.
18. *Collective Wisdom. Principles and Mechanisms.* Ed. by Helene Landemore, Jon Elster. New York, NY: Cambridge University Press, 2012. 409 pp.
19. *The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge.* Edited by Marc Schuilenburg and Rik Peeters. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2021. 203 pp.
20. **Кравец И. А.** Демократический конституционный краудсорсинг и модели цифрового конституционализма для публично-правовой коммуникации и конституционных изменений // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33, № 1(158). С. 60–89. DOI 10.21128/1812-7126-2024-1-60-89.
21. **Micklitz H.-W., Pollicino O., Reichman A., Simoncini A., Sartor G., de Gregorio G.** (eds.) *Constitutional Challenges in the Algorithmic Society*, Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2022. 330 p.
22. **Алешкова И. А., Андреева П. Н., Белослудцев О. С.** [и др.]. Конституция и права человека: современная доктрина и практика. М.: Ин-т государства и права РАН, 2021. 400 с.
23. **Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S.** *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*, Cambridge, MA: The MIT Press, 2008.
24. **Иксанов И. С.** Цифровое гражданство: Монография. М.: ИНФРА-М, 2024. 191 с.
25. **Авакьян С. А.** Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: Монография. М.: Юстицинформ, 2022. 484 с.
26. *Participatory constitutional change: the people as amenders of the constitution.* Ed. by Xenophon Contiades and Alkmene Fotiadou. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2017.
27. **Кравец И. А.** Конституционная репрезентация: проблемы идентификации и совершенствования публичного политического представительства // Вестник Томск. гос. ун-та. 2018. № 433. С. 186–198. DOI 10.17223/15617793/433/26.
28. **Кравец И. А.** Учредительная власть и конституционная модернизация в современном конституционализме (российский, сравнительный и международный аспекты) // Вестник Томск. гос. ун-та. 2020. № 450. С. 206–217. DOI 10.17223/15617793/450/25.
29. **Добрынин Н. М.** Конституционализм и парадигма общественных отношений в России: исторический опыт, конформизм или неизбежность перемен // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 3–11.
30. **Кондрашев А. А.** Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15–25.
31. **Ким Ю. В.** Конституционная модель публично-властной организации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 6. С. 25–34.
32. **Кравец И. А.** Учредительная власть и судебный конституционализм: теоретические подходы и конституционная реформа 2020 года // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 1. С. 6–10.
33. **Алебастрова И. А.** Конституционализм как правовое основание социальной солидарности: Монография. М.: Проспект, 2016. 549 с.
34. **Гришковец А. А.** Солидарность в условиях новых конституционных реалий и некоторые административно-правовые средства ее обеспечения (продолжение исследования) // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 142–151.
35. **Ильина О. Ю.** Реализация принципа социальной солидарности // Вестник Северо-Восточного федер. ун-та им. М. К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2021. № 1(21). С. 35–38.

36. **Loughlin M.** *Against Constitutionalism*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2022.
37. **Bezemek C.** Introduction: Constitutionalism 2030: A Prediction // Bezemek C. (ed.) *Constitutionalism 2030*. Oxford: Hart Publishing, 2022. P. 1–10.
38. **Allan T. R. S.** Constitutionalism at common law: the rule of law and judicial review // *The Cambridge Law Journal*. 2023. Vol. 82, iss. 2. P. 236–264. DOI:10.1017/S000819732300017X
39. *Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change* / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London: Routledge, 2020.
40. **Worley J. J.** Deliberative Constitutionalism // *BYU Law Review*. 2009. Issue 2. P. 431. Available at: <https://digitalcommons.law.byu.edu/lawreview/vol2009/iss2/5>
41. **Хабермас Ю.** Теория коммуникативной деятельности / Пер. с нем. (Habermas, Jürgen. *Theorie des kommunikativen Handelns*). М.: Весь Мир, 2022. 880 с.
42. **Chambers S.** Democracy, Popular Sovereignty, and Constitutional Legitimacy // *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*. 2004. Vol. 11, no. 2. P. 153–173.
43. **Чеботарев Г. Н.** Общественная власть как элемент конституционализма // *Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина*. М.: Проспект, 2023. С. 28–37.
44. **Комбарова Е. В.** Конституционные принципы организации публичной власти России: нормативная модель и практика в условиях конституционной реформы // *Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина*. М.: Проспект, 2023. С. 485–496.
45. **Васильева Т.** Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2022. № 6 (151). С. 46.
46. **Loughlin M.** The Concept of Constituent Power // *European Journal of Political Theory*. 2014. Vol. 13 (2). P. 218–237.
47. **Grimm, Dieter.** Constituent Power and Limits of Constitutional Amendments // *Nomos*. 2016. № 2. P. 1–8.
48. **Кравец И. А.** Цифровой конституционализм и будущее информационного общества (в контексте глобализации и интеграционных процессов) // *Право и государство*. 2020. № 3–4. С. 85–104
49. **Кравец И. А.** Коммуникативный конституционализм, конституционное вовлечение и гражданство в публично-правовом пространстве алгоритмического и информационного общества // *Lex Russica (Русский закон)*. 2023. Т. 76, № 11 (204). С. 41–56. DOI 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056.
50. **Reichert R., Wenz K.** Introduction. Digital Citizens // *Digital Culture & Society (DCS)*. 2018. Vol. 4, iss. 2. P. 5–8. DOI 10.14361/dcs-2018-0202
51. **Пырма Р. В.** Политические грани цифрового гражданства // *Власть*. 2019. № 4. С. 69–78.
52. **Jacobsohn G. J., Roznai Y.** *Constitutional Revolution*. New Haven, London: Yale University Press, 2020. 369 p.
53. **Bookchin M.** *The next revolution* / Murray Bookchin, Debbie Bookchin, Blair Taylor; preface by Ursula K. Le Guin. London, NY: Verso, 2015. 220 p.
54. *The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge*. Edited by Marc Schuilenburg and Rik Peeters. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2021. 203 p.
55. **Gamito M. C., Ebers M.** (ed.). *Algorithmic Governance and Governance of Algorithms: An Introduction* // *Algorithmic Governance and Governance of Algorithms. Legal and Ethical Challenges*. Cham, Switzerland: Springer, 2021. P. 1–22.
56. **Бондарь Н. С.** Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2019. № 11. С. 25–42.

57. **Бродовская Е. В.** Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // *Власть*. 2019. № 4. С. 65–69.
58. **Valchev D.** *Constitutional Dimensions of Information Revolution* // *The IT Revolution and its Impact on State, Constitutionalism and Public Law*. Ed. Martin Belov. Oxford: Hart Publishing, 2021. P. 41–54.
59. **Jæger B.** Digital Citizenship – A review of the academic literature // *dms – der moderne staat – Zeitschrift für Public Policy, Recht und Management*. 2021. Vol. 14(1). P. 24–42.
60. **Palermo F.** Participation, Federalism, and Pluralism: Challenges to Decision Making and Responses by Constitutionalism // *Citizen Participation in Multi-Level Democracies* / ed. by C. Fraenkel-Haeberle, S. Kropp, F. Palermo, K.-P. Sommermann. Leiden ; Boston, MA : Brill Nijhoff, 2015. P. 31–47.
61. **Залоило М. В., Пашенцев Д. А.** Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // *Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Право*. 2019. Т. 10, вып. 2. С. 196–209. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.201>
62. **Букчин М.** *Будущая революция: Народные ассамблеи и перспективы прямой демократии*. М.: Радикальная теория и практика, 2023. 248 с.
63. **Corradetti C.** Liberal Constitutional Democracies in Times of Crisis // *Jus Cogens*. 2022. Vol. 4. P. 1–10. <https://doi.org/10.1007/s42439-022-00057-6>
64. **Раздьяконова Е. В.** Делиберативное участие в конституционном развитии России: теоретические аспекты и историческая ретроспектива // *История государства и права*. 2023. № 5. С. 15–20. DOI 10.18572/1812-3805-2023-5-15-20.
65. **Дробот С. Е.** Изменение баланса разделения властей в ходе подготовки и реализации конституционной реформы 2020 г. // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2023. № 6. С. 17–23. DOI 10.18572/1813-1247-2023-6-17-23.
66. **Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б.** [и др.] *Трансформация информационного права*. М.: Ин-т государства и права РАН, 2023. 256 с.
67. **Черкасов А. И.** Цифровизация местного управления и ее особенности в европейских странах // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2024. Т. 33, № 1(158). С. 90–109. DOI 10.21128/1812-7126-2024-1-90-109.
68. **Румянцев А. Г.** Общество, право и грядущий мир роботов: вместе с людьми или вместо? // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2023. № 6(157). С. 4–32. DOI 10.21128/1812-7126-2023-6-4-32.
69. **Шульженко Ю. Л.** *Отечественный конституционализм. Историко-юридическое исследование*. М.: Ин-т государства и права РАН, 2010. 153 с.
70. **Графский В. Г.** Конституционализм как предмет изучения // *Право. Журнал ВШЭ*. 2009. № 3. С. 3–13.

References

1. **Aristotle.** *Politics* III, 11, 1281a41–1281b2. Aristotle. *Aristotle in 23 Volumes*, Vol. 21, translated by H. Rackham. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1944. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0058%3Abook%3D3%3Asection%3D1281b> (дата обращения: 25.03.2024).
2. **Collection of folk wisdom.** Proverbs and sayings about knowledge. <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-o-znaniyah/> (date of access: 08/25/2023). Proverbs and sayings about wisdom. <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-pro-mudrost/> (date of access: 03/25/2024). (in Russ.)
3. **Colón-Ríos J.** *Constituent Power and the Law*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2020, 352 p.

4. **Kravets I. A.** The system of constitutionalism and constituent power in the context of globalization: some modern approaches. *Social Sciences and Contemporary World*, 2020, no. 4, pp. 74–89. DOI: 10.31857/S086904990010762-0 (in Russ.)
5. **Arvidsson M., Brännström L., Minkkinen P.** (eds.). *Constituent Power: Law, Popular Rule and Politics*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2020, 234 p.
6. **Shustrov D. G.** The Constitution and constituent power: the problem of limitation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2022, no. 2, Pp. 29–39. (in Russ.)
7. **Bondar N. S.** “Eternal” constitutional ideals: how unchanged are they in a changing world? *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 6, pp. 20–34. DOI: 10.31857/S013207690009933-8 (in Russ.)
8. **Avakyan S. A.** Everyday life of a constitutionalist (scientific articles 2016–2020): Coll. articles. Moscow, Prospekt publ., 2021, 448 p. (in Russ.)
9. **Kovler A. I.** The Constitution of Russia in the focus of comparative law. *Journal of foreign legislation and comparative law [Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya]*, 2023, vol. 19, no. 6, pp. 5–12. DOI: 10.61205/jzsp.2023.076 (in Russ.)
10. **Ebzeev B. S.** Constitutions as a legal model of social convergent technology (to the 30th anniversary of the Russian Constitution). *Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 12, pp. 21–39. DOI: 10.31857/S102694520029288-7 (in Russ.)
11. **Baburin S. N.** Axiological transformation of modern Russian constitutionalism. *Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 12, pp. 40–47. DOI: 10.31857/S102694520029289-8 (in Russ.)
12. **Kravets I. A.** Deliberative popular constitutionalism and constitutional changes: forms, procedures and technologies in comparative constitutional theory and practice (on the 30th anniversary of the constitution of the Russian Federation in a comparative aspect). *Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 12, pp. 48–58. DOI: 10.31857/S102694520029375-3 (in Russ.)
13. **Tolkachev K. B.** Humanistic principles in Russian and foreign constitutional law. *Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 12, pp. 59–65. DOI: 10.31857/S102694520029291-1 (in Russ.)
14. **Folklore.** In Great Russian Encyclopedia. Moscow, 2017, vol. 33, p. 457. URL: <https://old.bigenc.ru/music/text/4716709> (date of access: 08/25/2023). (in Russ.)
15. **Anichkov E.** Folklore. In Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 volumes (82 volumes and 4 additional). St. Petersburg, 1890–1907. T. XXXVI (71). St. Petersburg, 1902. P. 209. (in Russ.)
16. **Barabashev G. V., Sheremet K. F.** Soviet construction. Textbook. Moscow, Legal. Lit., 1988, 560 p. (in Russ.)
17. **Kim A. I., Barnashov A. M.** People's Representation in the USSR. Tomsk, Publishing house Tomsk. Univ., 1982, 89 p. (in Russ.)
18. **Collective Wisdom. Principles and Mechanisms.** Ed. by Helene Landemore, Jon Elster. New York, NY, Cambridge University Press, 2012, 409 p.
19. **The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge.** Edited by Marc Schuilenburg and Rik Peeters. Abingdon, Oxon; New York, NY, Routledge, 2021, 203 p.
20. **Kravets I.** Democratic constitutional crowdsourcing and models of digital constitutionalism for public legal communication and constitutional changes. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 33, no. 1, pp. 60–89. DOI 10.21128/1812-7126-2024-1-60-89. (in Russ.)
21. **Micklitz H.-W., Pollicino O., Reichman A., Simoncini A., Sartor G., de Gregorio G.** (eds.) *Constitutional Challenges in the Algorithmic Society*, Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2022, 330 p.
22. **Aleshkova I. A., Andreeva P. N., Belosludtsev O. S. et al.** *Constitution and Human Rights: Contemporary Doctrine and Practice*. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN, 2021, 400 p. (in Russ.)
23. **Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S.** *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*, Cambridge, MA, The MIT Press, 2008, 216 p.
24. **Iksanov I. S.** *Digital citizenship: Monograph*. Moscow, INFRA-M publ., 2024, 191 p. (in Russ.)

25. **Avakyan S. A.** Representation in constitutional law: issues of theory and practice: Monograph. Moscow, Justitsinform publ., 2022, 484 p. (in Russ.)
26. Participatory constitutional change: the people as amenders of the constitution. Ed. by Xenophon Contiades and Alkmene Fotiadou. Abingdon, Oxon; New York, NY, Routledge, 2017, 224 p.
27. **Kravets I. A.** Constitutional representation: problems of public political representation identification and improvement. *Tomsk State University Journal*, 2018, no. 433, pp. 186–198. DOI 10.17223/15617793/433/26. (in Russ.)
28. **Kravets I. A.** Constituent Power and Constitutional Modernisation in Modern Constitutionalism (Russian, Comparative, and International Aspects). *Tomsk State University Journal*, 2020, no. 450, pp. 206–217. DOI 10.17223/15617793/450/25. (in Russ.)
29. **Dobrynin N. M.** Constitutionalism and the paradigm of public relations in Russia: historical experience, conformism or the inevitability of change. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2020, no. 1, pp. 3–11. (in Russ.)
30. **Kondrashev A. A.** Trends in the constitutional development of Russia in the context of the constitutional reform of 2020. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2021, no. 11, pp. 15–25. (in Russ.)
31. **Kim Yu. V.** Constitutional model of public-power organization in modern Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2023, no. 6, pp. 25–34. (in Russ.)
32. **Kravets I. A.** Constituent power and judicial constitutionalism: theoretical approaches and constitutional reform of 2020. *Journal of Constitutional Justice*, 2022, no. 1, pp. 6–10. (in Russ.)
33. **Alabastrova I. A.** Constitutionalism as a legal basis for social solidarity: Monograph. Moscow, Prospekt publ., 2016, 549 p. (in Russ.)
34. **Grishkovets A. A.** Solidarity in the context of new constitutional realities and some administrative and legal means of ensuring it (continuation of research). *Legal policy and legal life*, 2022, no. 2, pp. 142–151. (in Russ.)
35. **Ilyina O. Yu.** Implementation of the principle of social solidarity. *Bulletin of the North-Eastern Federal Federation. University named after M.K. Ammosova. Series: History. Political science. Right*, 2021, no. 1(21), pp. 35–38. (in Russ.)
36. **Loughlin M.** *Against Constitutionalism*, Cambridge, MA; London, Harvard University Press, 2022, 240 p.
37. **Bezemek C.** Introduction: Constitutionalism 2030: A Prediction. In Bezemek C. (ed.) *Constitutionalism 2030*. Oxford, Hart Publishing, 2022, pp. 1–10.
38. **Allan T. R. S.** Constitutionalism at common law: the rule of law and judicial review. *The Cambridge Law Journal*, 2023, vol. 82, issue 2, pp. 236–264. DOI:10.1017/S000819732300017X
39. *Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change*, ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London, Routledge, 2020. 468 p.
40. **Worley J. J.** Deliberative Constitutionalism. *BYU Law Review*, 2009, Issue 2, p. 431. Available at: <https://digitalcommons.law.byu.edu/lawreview/vol2009/iss2/5>
41. **Habermas Yu.** Theory of communicative activity. Transl. (Habermas, Jürgen. Theorie des kommunikativen Handelns). Moscow, Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2022, 880 p. (in Russ.)
42. **Chambers S.** Democracy, Popular Sovereignty, and Constitutional Legitimacy. *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*, 2004, vol. 11, no. 2, pp. 153–173.
43. **Chebotarev G. N.** Public power as an element of constitutionalism. In *Modern Russian constitutionalism: to the 85th anniversary of the birth of academician O. E. Kutafin*. Moscow, Prospekt publ., 2023, pp. 28–37. (in Russ.)
44. **Kombarova E. V.** Constitutional principles of the organization of public power in Russia: normative model and practice in the conditions of constitutional reform. In *Modern Russian constitutionalism: to the 85th anniversary of the birth of academician O. E. Kutafin*. Moscow, Prospekt publ., 2023, pp. 485–496. (in Russ.)

45. **Vasilyeva T.** Constitutional Assembly in Ireland: deliberative democracy in action. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2022, no. 6 (151), p. 46. (in Russ.)
46. **Loughlin M.** The Concept of Constituent Power. *European Journal of Political Theory*, 2014, vol. 13 (2), pp. 218–237.
47. **Grimm, Dieter.** Constituent Power and Limits of Constitutional Amendments. *Nomos*, 2016, № 2, pp. 1–8.
48. **Kravets I. A.** Digital constitutionalism and the future of the information society (in the context of globalization and integration processes). *Law and State*, 2020, no. 3–4, pp. 85–104. (in Russ.)
49. **Kravets I. A.** Communicative constitutionalism, constitutional involvement and citizenship in the public legal space of the algorithmic and information society. *Lex Russica (Russian Law)*, 2023, vol. 76, no. 11(204), pp. 41–56. DOI 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056. (in Russ.)
50. **Reichert R., Wenz K.** Introduction. Digital Citizens. In *Digital Culture & Society (DCS)*, 2018, vol. 4, issue 2, pp. 5–8. DOI 10.14361/dcs-2018-0202
51. **Pyрма R.V.** Political facets of digital citizenship. *Power*, 2019, no. 4, pp. 69–78. (in Russ.)
52. **Jacobsohn G. J., Roznai Y.** Constitutional Revolution. New Haven, London, Yale University Press, 2020, 369 p.
53. **Bookchin M.** The next revolution / Murray Bookchin, Debbie Bookchin, Blair Taylor; preface by Ursula K. Le Guin. London, NY, Verso, 2015, 220 p.
54. The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge. Edited by Marc Schuilenburg and Rik Peeters. Abingdon, Oxon; New York, NY, Routledge, 2021, 203 p.
55. **Gamito M. C., Ebers M.** (ed.). Algorithmic Governance and Governance of Algorithms: An Introduction. In *Algorithmic Governance and Governance of Algorithms. Legal and Ethical Challenges*. Cham, Switzerland, Springer, 2021, pp.1–22.
56. **Bondar N. S.** Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 25–42. (in Russ.)
57. **Brodovskaya E. V.** Digital citizens, digital citizenship and digital citizenship. *Power*, 2019, no. 4, pp. 65–69. (in Russ.)
58. **Valchev D.** Constitutional Dimensions of Information Revolution. In *The IT Revolution and its Impact on State, Constitutionalism and Public Law*. Ed. Martin Belov. Oxford, Hart Publishing, 2021, pp. 41–54.
59. **Jæger B.** Digital Citizenship – A review of the academic literature. *dms – der moderne staat – Zeitschrift für Public Policy, Recht und Management*, 2021, vol. 14(1), pp. 24–42.
60. **Palermo F.** Participation, Federalism, and Pluralism: Challenges to Decision Making and Responses by Constitutionalism. In *Citizen Participation in Multi-Level Democracies / ed. by C. Fraenkel-Haeberle, S. Kropp, F. Palermo, K.-P. Sommermann*. Leiden; Boston, MA, Brill Nijhoff, 2015, pp. 31–47.
61. **Zaloilo M.V., Pashentsev D.A.** National legal order of Russia in the conditions of digitalization. *Vestnik St. Petersburg. un-ta. Law*, 2019, vol. 10, issue. 2, pp. 196–209. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.201> (in Russ.)
62. **Bookchin M.** The Future Revolution: People's Assemblies and Prospects for Direct Democracy. Moscow, Radical theory and practice, 2023, 248 p. (in Russ.)
63. **Corradetti C.** Liberal Constitutional Democracies in Times of Crisis. *Jus Cogens*, 2022, vol. 4, pp. 1–10. <https://doi.org/10.1007/s42439-022-00057-6>
64. **Razdyakonova E. V.** Deliberative participation in the constitutional development of Russia: theoretical aspects and historical retrospective. *History of State and Law*, 2023, no. 5, pp. 15–20. DOI 10.18572/1812-3805-2023-5-15-20. (in Russ.)
65. **Drobot S. E.** Changing the balance of separation of powers during the preparation and implementation of the constitutional reform of 2020. *State power and local self-government*, 2023, no. 6, pp. 17–23. DOI 10.18572/1813-1247-2023-6-17-23. (in Russ.)

66. **Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Naumov V. B. [et al.]** Transformation of information law. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023, 256 p. (in Russ.)
67. **Cherkasov A. I.** Digitalization of local government and its features in European countries. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2024, vol. 33, no. 1(158), pp. 90–109. DOI 10.21128/1812-7126-2024-1-90-109. (in Russ.)
68. **Rumyantsev A. G.** Society, law and the coming world of robots: together with people or instead? *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2023, no. 6(157), pp. 4–32. DOI 10.21128/1812-7126-2023-6-4-32. (in Russ.)
69. **Shulzhenko Yu. L.** Domestic constitutionalism. Historical and legal research. Moscow, Institute of State and Law RAS, 2010, 153 p. (in Russ.)
70. **Grafsky V. G.** Constitutionalism as a subject of study. *Law. HSE Journal*, 2009, no. 3, pp. 3–13. (in Russ.)

Информация об авторе

Кравец Игорь Александрович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права НГУ
SPIN: 7272-5729
WoS Researcher ID: N-9219-2015
Scopus Author ID: 57224000209

Information about the Author

Igor' A. Kravets, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Chief researcher at the Institute for the Philosophy and Law of Novosibirsk State University, doctor of juridical sciences, professor
SPIN: 7272-5729
WoS Researcher ID: N-9219-2015
Scopus Author ID: 57224000209

*Статья поступила в редакцию 01.05.2024;
одобрена после рецензирования 02.06.2024; принята к публикации 05.07.2024*

*The article was submitted 01.05.2024;
approved after reviewing 02.06.2024; accepted for publication 05.07.2024*